

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И СУДОПРОИЗВОДСТВО

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: igpran@igpran.ru

SPIN-код: 8295-9884

DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА VS ПРАВИЛА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются правотворческие тенденции, связанные с усилением формализации уголовно-процессуального права и выраженные в наполнении Уголовно-процессуального кодекса РФ сугубо техническими и технологическими правилами, определяющими не столько высокое предназначение уголовно-процессуальной формы, сколько порядок судебного, прокурорского и следственного делопроизводства и документооборота.

Исследуются причины возникновения таких тенденций, которые связываются с двумя объективными факторами, присущими становлению раннесоветской системы уголовной юстиции в 1920-е гг.: 1) с вызванным сменой парадигмы государственного управления возложением классических юрисдикционных полномочий на органы исполнительной власти; 2) с постреволюционным кадровым голодом, выраженным в нехватке достаточного числа опытных юридических кадров, способных справиться с большими объемами судебной, прокурорской и следственной работы.

Кроме того, предпринимается попытка выявления причины, обусловившей резкое усиление рассматриваемых тенденций на рубеже XX–XXI вв. и их отражение в тексте действующего Уголовно-процессуального кодекса. В этой связи выдвигается гипотеза, что избытие технических и технологических правил — это прямое следствие очередных правотворческих проблем, присущих реалиям развития российской государственности. Делается вывод о неготовности ряда членов рабочей группы по подготовке проекта УПК РФ к правотворческой деятельности, в том числе к участию в разработке кодифицированного законодательного акта.

В этой связи высказывается пожелание о скорейшем устранении указанного недостатка национальной правотворческой политики и постепенном исключе-

нии из сферы законодательного регулирования правил уголовно-процессуального делопроизводства. Отмечается, что вытекающую из Федерального закона уголовно-процессуальную форму, предопределенную надлежащими юридическими гарантиями доброкачественности предполагаемых результатов, нельзя отождествлять с правилами уголовно-процессуального делопроизводства и документооборота.

Обращается внимание, что правила уголовно-процессуального делопроизводства не подразумевают никакого высокого предназначения, а направлены на оптимизацию правоприменительной практики, а также деятельности непрофессиональных участников, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. Одновременно предполагается, что надлежащее знание подобных правил и технологических рекомендаций должно предопределяться высоким уровнем образованности, правопонимания, правовой культуры и другими необходимыми качествами личности члена современного общества, тем более представителя уголовной юстиции.

Ключевые слова: правотворческая политика; правотворчество; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная форма; уголовно-процессуальные акты; уголовно-процессуальные документы; уголовно-процессуальный закон

SERGEY B. ROSSINSKIY

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

E-mail: igpran@igpran.ru

SPIN code: 8295-9884

THE CRIMINAL PROCEDURE FORM VS RULES OF CRIMINAL JUDICIAL PROCEDURE

Abstract. The article examines law-making trends associated with the strengthening of criminal procedure law formalization and expressed in providing the content for the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with purely technical rules and technological recommendations that determine the order of judicial, prosecutorial and investigative procedures record keeping and document management rather than a high purpose of a criminal procedure form.

The author explores the reasons for the emergence of the trends that are associated with two objective factors inherent in the formation of the early Soviet criminal justice system in the 1920s: 1. vesting executive authorities with classical jurisdictional powers caused by the change of the paradigm of public administration; 2. post-revolutionary personnel gap expressed in the lack of a sufficient number of experienced law upholders capable of coping with large judicial, prosecutorial and investigative workloads.

In addition, the study attempts to identify the reason that caused dramatic escalation of trends under consideration at the turn of the 20th–21st centuries and their reflection in the text of the currently applicable Criminal Procedure Code. In this regard, the author puts forward the thesis that the abundance of technical rules and technological recommendations is a direct consequence of law-making problems inherent in the realities of the development of Russian statehood. It is concluded that a number of members of the working group on the draft Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are not ready to carry out law-making activities, including their participation in elaborating a codified legislative act.

In this regard, the author suggests timely elimination of this shortcoming of the national law-making policy and gradual exclusion of criminal procedure rules from the sphere of legislative regulation. It is noted that the criminal procedural form arising from the Federal Law, predetermined by proper legal safeguards of the goodness of expected results, cannot be equated with the criminal judicial procedure rules of record keeping and rules of document management.

Attention is drawn to the fact that the rules of criminal procedure do not imply any high purpose. On the contrary, they are aimed at optimizing judicial, investigative, prosecutorial, advocacy and expert practices, as well as the activities of non-professional participants involved in the orbit of criminal proceedings. At the same time, it is assumed that proper knowledge of such rules and technological recommendations should be predetermined by a high level of education, legal understanding, legal culture and other necessary personal qualities of a member of modern society, especially a representative of criminal justice.

Keywords: law-making policy; law-making; criminal proceedings; criminal procedure form; criminal procedure acts; criminal procedure documents; criminal procedure law

1. Введение

В 2022 г. исполнилось 20 лет с момента введения в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), официально закрепившего смену прежней парадигмы уголовного судопроизводства и предопределившего резкий поворот вектора его дальнейшего развития по пути, предполагающего приемлемое соотношение публичных и частных интересов, максимально допустимый баланс между полномочиями суда, прокуратуры, органов дознания и предварительного следствия, с одной стороны, и правами личности, вовлеченной в орбиту уголовно-процессуальных отношений, — с другой. Причем ввиду известных деструктивных обстоятельств, сопутствующих формированию новой российской государственности на рубеже XX–XXI вв. и обусловивших общую нестабильность правотворческой политики, разобщенность взглядов на будущность национальной правовой системы в целом и механизмов уголовного су-

допроизводства в частности, УПК РФ разрабатывался и принимался в условиях достаточно жестких споров и дискуссий, во многом основан на вынужденных компромиссах, достаточно шатких договоренностях¹ и уже претерпел целый ряд весьма существенных изменений и дополнений. В этой связи буквально с самых первых дней существования он подвергался и продолжает подвергаться постоянной критике. Высказываются самые разные замечания: от сомнений в разумности и своевременности принятия нового Кодекса, в жизнеспособности заложенных в него концептуальных основ уголовного судопроизводства и их соответствии подлинным потребностям российского социума² до негативных оценок отдельных институтов уголовно-процессуального права³.

Однако многие современные авторы ограничиваются сугубо редакционно-техническими претензиями — упрекают законодателя не столько в неопределенности общего вектора и непродуманности более локальных направлений развития российской уголовной юстиции, сколько в недоработанности, неэстетичности, несуразности тех или иных положений уголовно-процессуального права, в их несогласованности между собой и т.п., т.е. сводят содержание своих публикаций к своеобразному «вылавливанию блох»⁴. На сегодняшний

¹ См.: *Гаврилов Б.Я.* Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): Сборник статей / Под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. Красноярск, 2018. С. 46.

² См., например: *Головкин Л.В.* УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 5–6; *Давлетов А.А., Азаренок Н.В.* Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 34–36.

³ См., например: *Гаврилов Б.Я.* Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 50–54; *Николюк В.В.* Опыт законодательной регламентации в УПК Российской Федерации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 15–17.

⁴ См., например: *Белкин А.Р.* Дефекты нового законодательного регулирования апелляционного производства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 113–116; *он же.* Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 44–45; *Рыжаков А.П.* На стадии предварительного расследования осуществляется не

день даже встречаются достаточно объемные, в частности, состоящие из нескольких томов, монографии, специально посвященные «вскрытию многочисленных несогласованностей и нестыковок УПК РФ, формулированию предложений по их элиминации и приведению Кодекса к непротиворечивому виду»⁵.

Конечно, все эти публикации вряд ли можно признать предполагающими высокую степень научности, содержащими выводы и предложения, основанные на должном осмыслении закономерностей развития уголовной юстиции, на выявлении глубинных причин, обусловивших современные проблемы уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики и поэтому представляющими серьезную доктринальную ценность. Такие редакционно-технические экспертизы скорее должны проводиться не столько учеными-процессуалистами, сколько специально обученными сотрудниками аппаратов органов государственной власти, осуществляющими сопровождение соответствующих правотворческих инициатив.

Однако большое количество подобных псевдонаучных исследований далеко не случайно. И объясняется оно не только вполне понятным стремлением авторов к повышению наукометрических показателей. В реальности существует и еще одна достаточно серьезная причина, детерминирующая появление все новых и новых публикаций, сводящихся лишь к выявлению редакционно-технических изъянов и внесению предложений по их устранению. Она связана с весьма благодатной законодательной почвой, обусловленной тенденциями национального, в том числе уголовно-процессуального, правотворчества, направленными на все большую и большую формализацию уголовного судопроизводства. Ввиду указанных тенденций законодательный «контент» неизбежно разрастается, а уголовно-процессуальное право постоянно пополняется новыми правовыми запретами и предписаниями, все сильнее и сильнее обременяющими суд, других участников судопроизводства, а в особенности дознавателя и следователя.

Вполне очевидно, что подобные тенденции явно не способствуют повышению качества закона, а, наоборот, приводят к тем самым недоработанности, неэстетичности, несурзанности, несогласованности целого ряда положений уголовно-процессуального права, которые и по-

только расследование // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы международной научно-практической конференции. Симферополь, 2018. С. 104–107 и др.

⁵ Белкин А. П. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 3 т. Т. 1. М., 2023. С. 2.

падают в сферу псевдонаучных интересов авторов, ограничивающихся не более чем выявлением редакционно-технических изъянов УПК РФ и внесением точечных предложений по их устранению.

Стремление более подробно рассмотреть и осмыслить указанные правотворческие тенденции и привело к потребности подготовки настоящей статьи.

2. Проникновение в уголовно-процессуальный закон правил делопроизводства

Итак, на сегодняшний день национальной правотворческой политике, в частности, политике, проводимой в сфере уголовно-процессуального регулирования, присущи достаточно деструктивные, но вместе с тем интересные тенденции. Они направлены на усиление формализации деятельности суда, прокуратуры, органов дознания, предварительного следствия, невластных участников уголовного судопроизводства и выражены в намерении «узаконить» (урегулировать именно посредством федерального закона) значительно более широкий круг возникающих в сфере уголовной юстиции вопросов, чем этого требует здравый смысл.

В настоящее время многие включенные в содержание Кодекса нормы вообще лишены какой-либо подлинно правовой ценности («высокого» предназначения). Они не предопределены юридическими гарантиями пригодности результатов соответствующих процессуальных действий, законности, обоснованности и адекватности (справедливости) процессуальных решений, доброкачественности механизмов реализации других уголовно-процессуальных полномочий и правомочий, а *предполагают ярко выраженный технический или технологический характер*. Иными словами, *такие нормы устанавливают не столько порядок уголовного судопроизводства, сколько правила уголовно-процессуального делопроизводства*.

Как справедливо отмечается в некоторых современных публикациях, действующий УПК РФ все сильнее начинает походить на адресованную рядовым чиновникам «бездушную» инструкцию⁶, на некий административный регламент⁷. Тогда как автор настоящей статьи,

⁶ См.: *Победкин А.В.* Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 111.

⁷ См.: *Григорьев В.Н.* Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 44.

полностью разделяя эти оценки, в свое время высказал еще более резкое суждение — назвал указанные правотворческие тенденции постепенным превращением Кодекса из воплощающего «высокий» смысл уголовно-процессуальной формы законодательного акта в некую «памятку» для безграмотных правоприменителей⁸.

Эти законодательные перегибы бросаются в глаза при ознакомлении с буквально пошаговыми правилами составления и оформления целого ряда процессуальных документов. Например, ч. 2 ст. 146 УПК РФ прямо обязывает дознавателей и следователей указывать в постановлении о возбуждении уголовного дела дату, место и время его вынесения, сведения о его авторе, повод и основание для возбуждения уголовного дела и предварительную юридическую оценку (квалификацию) произошедшего. Аналогичные или близкие по содержанию предписания также установлены и для других уголовно-процессуальных актов органов дознания, предварительного следствия и суда: постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), постановления о назначении судебной экспертизы (ч. 1 ст. 195 УПК РФ), обвинительного заключения (ст. 220 УПК РФ), обвинительного акта (ч. 1, 3¹–4 ст. 225 УПК РФ), постановления о назначении судебного заседания (ч. 1 ст. 231 УПК РФ), постановления (определения) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ч. 2 ст. 213, ч. 3 ст. 239 УПК РФ), приговора (ст. 304–309 УПК РФ); решения суда апелляционной инстанции (ст. 389²⁸ УПК РФ) и т.д. Схожие законодательные требования также установлены для целого ряда следственных или судебных протоколов (ч. 3 ст. 166, ч. 2 ст. 259 УПК РФ и др.), экспертных заключений (ст. 204 УПК РФ), апелляционных, кассационных, надзорных жалоб (ч. 1 ст. 389⁶, ст. 401⁴, 412³ УПК РФ), прочих процессуальных документов.

Вполне вероятно, что в обозримом будущем подобные тенденции способны привести к еще большему правотворческим перегибам, например, к «узакониванию» требований, предъявляемых к цвету бумаги, техническим характеристикам печатающего устройства (принтера), допустимой степени отклонения почерка автора протокола от прописи и т.п. Поэтому можно только порадоваться, что в 2007 г. из содержания закона, по крайней мере, были исключены ранее пред-

⁸ См.: *Россинский С.Б.* УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 6. С. 42.

усмотренные ст. 476, 477 УПК РФ общеобязательные шаблоны (бланки) дознавательских, следственных, прокурорских, судебных и других используемых в уголовном процессе документов, т.е. наконец аннулировано одно из «инновационных» решений разработчиков Кодекса, которое в течение пяти с лишним предшествующих лет вообще находилось за пределами понимания подавляющего большинства специалистов и не выдерживало никакой критики.

Проникновение правил делопроизводства в законодательную материю не ограничивается лишь введением в УПК РФ требований по оформлению уголовно-процессуальных документов. В реальности существуют и другие, может быть, не столь заметные, но обусловленные все теми же тенденциями законодательные положения сугубо технического и технологического характера, способствующие дознавателю, следователю, прокурору и суду в надлежащей реализации полномочий, а невластным участникам уголовного судопроизводства — предоставленным прав. Таковым, например, представляется вытекающее из содержания ч. 9 ст. 166 УПК РФ императивное требование об обязательном помещении процессуального акта о засекречивании персональных данных участника следственного действия в бумажный конверт (не в любую приемлемую упаковку, а именно в конверт!) и непременно опечатывании этого конверта (не об обеспечении неприкосновенности его содержания любым надежным способом, а именно об его опечатывании!).

По всей видимости, аналогичный характер имеет и установленное ч. 1 ст. 217 УПК РФ предписание о предъявлении заинтересованным лицам материалов завершеного предварительного расследования именно в прошитом и пронумерованном виде. По крайней мере, другая возможная гипотеза, объясняющая возникновение данного требования намерением исключить или хотя бы минимизировать риски следственных фальсификаций на заключительном этапе досудебного производства, представляется совершенно иллюзорной и нежизнеспособной — любому практикующему в сфере уголовной юстиции специалисту хорошо известно, что при желании подобная правовая преграда преодолевается без особого труда.

Еще один пример проникновения технических и технологических правил делопроизводства в уголовно-процессуальное законодательство — адресованное потенциальному частному обвинителю предписание об обязательном приложении к заявлению о возбуждении уголовного дела частного обвинения его копий, подлежащих вручению предполагаемым обвиняемым (ч. 6 ст. 318 УПК РФ). Этими же причи-

нами можно объяснить и другие лишенные подлинно правовой ценности нормы уголовно-процессуального закона.

3. Причины законодательной легализации правил уголовно-процессуального делопроизводства

В чем же все-таки заключаются основные причины постепенной законодательной легализации технических и технологических правил уголовно-процессуального делопроизводства? Что повлияло на возникновение подобных правотворческих тенденций?

Думается, что ответить на эти вопросы не так уж и сложно — причины инкрементального «узаконивания» правил уголовно-процессуального делопроизводства, т.е. их введения в «высокую» сферу законодательного регулирования, напрямую связаны с обстоятельствами, объективно повлиявшими на национальную систему государственного администрирования в целом и уголовной юстиции как одного из направлений реализации государственно-властных полномочий в частности. Причем плацдарм для возникновения подобных правотворческих тенденций был подготовлен еще 100 лет назад, в 1920-е гг., чему активно поспособствовали два важнейших фактора, присущих формированию и дальнейшему развитию советских судебно-правоохранительных органов и находящихся в их ведении механизмов предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

I. Один из них выражался в своеобразной административизации уголовной юстиции, в возложении юрисдикционных и надзорных полномочий на органы исполнительной власти, в том числе на «силовые» ведомства, в изменении традиционных принципов организации судебной, прокурорской, следственной работы, в пополнении соответствующих видов деятельности административно-бюрократическими формами и методами. Этот фактор был обусловлен революционными событиями 1917 г., предопределившими смену самой парадигмы государственной власти, что, в свою очередь, не могло не привести к потребности проведения достаточно серьезных преобразований в сфере уголовной юстиции.

Не стоит забывать, что обусловленная программными документами РСДРП(б), в том числе известным лозунгом «Вся власть Советам!», модель социалистической государственности не предполагала идеи разделения властей ни в классическом понимании европейских либеральных просветителей, ни в свойственной для последних десятилетий Российской империи усеченной форме — сильно ограниченной

канонами самодержавия, но все же характеризующейся относительно самостоятельными следственными, прокурорскими и судебными учреждениями (как тогда говорили, установлениями). Поэтому, невзирая на общее «консервативное» стремление советской власти к обеспечению преемственности принципов организации и деятельности вновь формируемых судебных и правоохранительных органов по отношению к достаточно надежной, апробированной, работоспособной, в целом не противоречащей интересам трудящихся имперской системе юстиции, ее отдельные элементы претерпели существенные изменения. И в первую очередь подобные преобразования коснулись именно сферы уголовного судопроизводства — механизмы предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел уже не могли полностью соответствовать дореволюционным канонам, основанным на классической «наполеоновской» модели, предполагающей разграничение функций правосудия и предварительного следствия (расследования) и одновременно относящей обе функции к ведению достаточно независимых представителей судебной власти: правосудия — к ведению суда, а предварительного следствия — к ведению специального следственного судьи (в Российской империи — судебного следователя). Вместо этого ввиду отказа от принципа разделения властей «рожденные революцией» советские суды, прокуратура, следственный аппарат вполне закономерно были переданы в единое подчинение профильного органа государственного управления — Народного комиссариата юстиции (Наркомюста), а сам уголовный процесс стал наполняться административно-бюрократическими формами и методами.

В результате сохранившие полноценную уголовно-процессуальную правосубъектность народные судьи, народные следователи, прокуроры превратились в классических чиновников, оказались в положении рядовых «винтиков» нарастающей государственной бюрократии. А все последующие, в том числе кардинальные, изменения советской системы уголовной юстиции являлись, если даже не совсем разумными, то, по крайней мере, вполне закономерными и объяснимыми. В частности, принятое в 1928 г. по инициативе А.Я. Вышинского и поэтому удостоенное множества негативных откликов со стороны либерально настроенных ученых знаковое решение о переводе следователей из судейского корпуса в прокуратуру, по сути, имело не более чем организационно-штатный характер — в силу работы всех представителей уголовной юстиции в единой системе Наркомюста такой, на первый взгляд, серьезный маневр фактически предполагал не более чем административное перераспределение функций между структур-

ными подразделениями одного и того же ведомства, а именно передачу функции предварительного следствия из ведения одного «главка» в ведение другого. На этом фоне вполне понятными представляются и дальнейшие шаги, связанные с учреждением в 1938 г. собственного следственного аппарата НКВД СССР, в 1963 г. — следственных подразделений органов внутренних дел, а уже после распада Советского Союза — ныне упраздненных следственных подразделений налоговой полиции и Госнаркоконтроля — если государство в свое время создало прецедент и возложило функцию предварительного следствия на один орган государственного управления (исполнительной власти), что мешало наделить такими же функциями другой, третий и т.д.?

В результате подобной административизации для следственной, прокурорской и судебной деятельности стали свойственны бюрократическая аура, особый «министерский» климат и своеобразная чиновничья ментальность. Причем наиболее ярко эти симптомы проявились именно в части организации и работы внесудебных органов уголовной юстиции (органов предварительного расследования и прокуратуры). Им стали присущи четкие управленческие вертикали, строгая иерархичность полномочий, чинопочитание, приказной характер велений начальства; появились как писанные, так и неписанные обязанности согласовывать с руководством те или иные процессуальные акты, визировать соответствующие документы и т.д. В системе и структуре прокурорских и следственных органов постепенно возникли главные управления (департаменты), управления, отделы и проч.

Однако в определенной степени эти симптомы стали проявляться в судебной деятельности. Казалось бы, российская судебная система, давно выведенная из прямого подчинения исполнительной власти и уже почти 30 лет развивающаяся как автономная и независимая государственная институция, к настоящему времени должна была полностью освободиться от свойственного для советской юстиции административного паттерна. Но в реальности такого освобождения не произошло: судам все равно остаются присущи тот самый «министерский» климат, те самые бюрократическая аура и чиновничья ментальность. Не в последнюю очередь это происходит в силу сложившейся практики формирования судейского корпуса — преимущественно из бывших работников аппаратов судов, служащих Судебного департамента при Верховном Суде РФ или бывших сотрудников все тех же органов предварительного расследования и прокуратуры.

Ввиду всех изложенных обстоятельств тенденции, связанные с «узакониванием» правил делопроизводства, с инкрементальным

внедрением сугубо технических и технологических предписаний в «высокую» сферу уголовно-процессуального регулирования, постепенно превращающие УПК РФ в пошаговую инструкцию, в административный регламент, в некую «поваренную книгу», перестают представляться такими уж странными и непонятными. Ведь если классическому служителю уголовной юстиции в своей работе надлежит руководствоваться Законом, то основной «путеводитель» для рядового чиновника — это правовой акт управления, зачастую представляющий ту самую инструкцию, тот самый административный регламент. Если осуществление классических уголовно-процессуальных полномочий обычно проистекает в условиях дискреционности (права выбора наиболее приемлемого из предусмотренных законом способов поведения) и сопряжено с возможностью казуального толкования права, то деятельность «министерского» служащего предполагает гораздо более формализованный характер, а иногда и вовсе характеризуется пошаговым алгоритмом. Если классические следователи, прокуроры, судьи — это полноценные субъекты правоприменительной практики в сфере уголовной юстиции, то работа рядового чиновника нередко сводится именно к делопроизводству и документообороту.

II. Еще один фактор, оказавший существенное влияние на постепенное проникновение технических и технологических правил делопроизводства в «высокую» сферу законодательного регулирования, тоже возник в 1920-е гг. и также обязан своим появлением известным обстоятельствам, сопутствующим становлению советской государственности. Он был обусловлен нехваткой профессиональных юристов (судей, прокуроров, следователей), в первую очередь специалистов «старой закалки», способных грамотно выполнять свою работу, особенно в условиях послереволюционного всплеска преступности. Потребность в максимально быстром преодолении такого кадрового голода предопределила принятие весьма рискованных, но явно вынужденных и, по всей видимости, безальтернативных антикризисных мер — на службу в органы юстиции стали приниматься не имеющие должного образования и практического опыта, но идеологически преданные советской власти рабочие, солдаты, матросы, разночинцы и т.д.⁹ Кстати, эти же обстоятельства возымели если не решающее, то,

⁹ Например, по официальным статистическим данным за 1921 г., только 17% судей имели высшее юридическое и 1% — иное высшее образование. Тогда как квалификация 10% судей ограничивалась лишь средним и еще 66% — начальным образованием; оставшиеся 6% судей вообще не имели образования, т.е. фактически были безграмотными.

по крайней мере, важное значение для инкрементальной процессуализации органов дознания, обусловившей их наделение полномочиями судебно-следственного характера, т.е. постепенное превращение дознания из непроцессуальной деятельности полицейского характера в альтернативную и схожую с предварительным следствием форму досудебного производства, а самого дознавателя — в квазиследователя.

Таким образом, становлению советской системы уголовной юстиции сопутствовала объективная необходимость в усилении гарантий обеспечения законности, по крайней мере некоей правильности, работы действующих от имени государства, однако не вполне квалифицированных и подготовленных для участия в правоприменительной практике должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры, суда. И в этой связи первые попытки законодательной легализации правил уголовно-процессуального делопроизводства, внедрения сугубо технических и технологических предписаний в «высокую» сферу уголовно-процессуального регулирования в очередной раз перестают казаться столь странными и непонятными. Посредством разработки и «узаконивания» подробных алгоритмов реализации судебных, прокурорских, следственных, дознавательских полномочий — тех самых «памяток» — государство рассчитывало ограничить степень дискреционной свободы и творческой самостоятельности безграмотных правоприменителей (именно такими и являлись первые советские служители уголовной юстиции), чем минимизировать вероятность примитивных ошибок, приводящих к фактическому обесмысливанию или юридическому обесцениванию результатов произведенных процессуальных действий или принятых решений. Причем эти усилия оказались далеко не напрасными, а принесли большую пользу, поскольку позволили в условиях постреволюционного кадрового голода «малой кровью» обеспечить более или менее сносную практику расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

4. Гипотезы, объясняющие усиление формализации правил уголовно-процессуального делопроизводства в УПК РФ

Итак, причины возникновения правотворческих тенденций, связанных с законодательной легализацией технических и технологических правил уголовно-процессуального делопроизводства, представляются вполне понятными. Очевидно и то, что предопределившие их факторы остались в прошлом, поэтому в настоящее время вряд ли

должны оказывать существенное влияние на правотворческую политику. Так, административизация следственной, прокурорской и судебной деятельности в целом была завершена еще в советский период развития уголовной юстиции; на сегодняшний день наблюдаются лишь многочисленные текущие коррективы, например, связанные с учреждением, реорганизацией либо упразднением каких-либо органов государственной власти, осуществляющих уголовно-процессуальные функции, с более или менее удачными попытками деадминистративизации отдельных из них, в первую очередь судов, и т.д. А ощущавшийся в начале 1920-х гг. постреволюционный кадровый голод вообще удалось преодолеть еще в довоенный период. Именно тогда в СССР была налажена система юридического образования; возникли крупные центры подготовки правоведов; сформировались известные научные школы в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики; органы предварительного расследования, прокуратура, суды начали комплектоваться высокообразованными, опытными, обладающими всеми необходимыми качествами сотрудниками, способными правильно распоряжаться своими полномочиями без каких-либо законодательных «памяток» и пошаговых инструкций.

Таким образом, не совсем понятно, почему к моменту принятия УПК РФ указанные тенденции не прекратились, а, напротив, вошли в наиболее активную фазу своего развития? Чем можно объяснить резкое усиление формализации правил уголовно-процессуального делопроизводства именно в действующем уголовно-процессуальном законодательстве?

Задаваясь подобными вопросами, следует обратить внимание, что по количеству технических и технологических правил УПК РФ стал абсолютным «лидером», превзойдя всех своих предшественников. Ни Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 и 1923 гг., ни Уголовно-процессуальный кодекс 1960 гг., уже будучи подвержены действию данных тенденций, вовсе не характеризовались такими большими объемами делопроизводственной материи, в особенности требований к оформлению судебных, следственных актов и других процессуальных документов.

Конечно, можно выдвинуть гипотезу, что авторы УПК РФ в некоторой степени уподобились своим предшественникам, участвующим в разработке раннесоветского уголовно-процессуального законодательства — не стали сбрасывать со счетов разразившийся в 1990-х гг. новый кризис российской государственности, повлекший массовые

увольнения опытных судей, прокуроров, следователей, т.е. предопределивший очередную вспышку кадрового голова. Однако этот без сомнения переломный момент развития уголовной юстиции все-таки не породил столь разрушительных последствий, какие в свое время были вызваны революционными событиями начала XX в. Тем более что в последние годы государство предпринимает большие усилия для воссоздания прежнего кадрового потенциала уголовной юстиции. Тогда как количество введенных в УПК РФ технических и технологических правил, наоборот, лишь возрастает. В частности, в 2009 г. закон пополнился «инструкцией» по оформлению досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317³ УПК РФ), а в 2018 г. — техническим алгоритмом изъятия носителей цифровой информации либо ее копирования на иной носитель (ст. 164¹ УПК РФ) и т.д.

В связи с чем более правдоподобной представляется другая гипотеза. По всей вероятности, изобилие технических технологических правил — это очередное следствие упомянутых в начале настоящей статьи деструктивных обстоятельств, сопутствующих подготовке и принятию УПК РФ. Не стоит забывать, что Кодекс готовился достаточно импульсивно, в условиях ожесточенных споров и дискуссий, под сильным давлением «внешних сил» и т.д. При этом многие включенные в соответствующую рабочую группу «специалисты» были явно не готовы к участию в столь сложном и ответственном проекте, не владели тонкостями теории уголовного процесса, не обладали должным правотворческим кругозором, не имели навыков разработки законопроектов, в особенности кодифицированных нормативных актов.

Конечно, среди участников указанной группы были и крупные ученые, отчетливо понимающие разницу между «высоким» предназначением уголовно-процессуальной формы и правилами уголовно-процессуального делопроизводства. Однако, по всей видимости, они слишком сильно увлеклись самыми «важными» и модными вопросами развития российской уголовной юстиции (состязательностью, правами обвиняемого, презумпцией невиновности, судом присяжных и т.д.), не уделив должного внимания более «приземленным» проблемам. Как известно, эту «черную» работу выполняли представители практических органов, обладающие кипучей энергией, бесценным профессиональным опытом, хорошо ориентирующиеся в процессуальной бюрократии, способные отстаивать и лоббировать корпоративные интересы, но при этом не утруждающие себя особым погружением в тонкости правовой доктрины или вообще считающие соответствующие знания излишними и бесполезными.

5. Выводы

На основании изложенного остается лишь надеяться, что российская правотворческая политика в обозримом будущем все-таки сможет изжить рассмотренный изъян, т.е. покончить с делопроизводственным «бумом» и начать развиваться по несколько иному вектору, предполагающему постепенное исключение технических и технологических правил из «высокой» сферы законодательного регулирования. Кстати, сокращение количества сугубо делопроизводственных норм также позволит снизить потребность в постоянных изменениях и дополнениях, вносимых в УПК РФ, многие из которых как раз и имеют ярко выраженный технический или технологический характер.

Правила делопроизводства и документооборота нельзя отождествлять с «высоким» предназначением уголовно-процессуальной формы, потребность в которой обуславливается не намерением законодателя оказать помощь в освоении прикладных навыков работы с документами, а необходимостью подкрепления следственных, судебных, иных процессуальных действий и принимаемых решений надлежащими правовыми (не делопроизводственными, а именно «высокими» правовыми!) гарантиями доброкачества предполагаемых результатов. И поэтому уголовно-процессуальная форма нуждается не в подзаконном, а именно в законодательном регулировании, с присущими ему усложненными правотворческими механизмами и высшей юридической силой соответствующих нормативных актов. Как уже отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, глубокое понимание практическими работниками «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы — залог правильной реализации положений закона, а непонимание (недопонимание) такого предназначения — одна из основных причин правоприменительного формализма и «юридической казенщины»¹⁰.

Тогда как правила уголовно-процессуального делопроизводства, напротив, не предполагают никакого «высокого» предназначения, а направлены исключительно на оптимизацию правоприменительной практики. Поэтому подобным правилам не место в Уголовно-процессуальном кодексе — они должны усваиваться профессиональными правоприменителями «с молоком матери», т.е. в процессе формирования надлежащего уровня образованности, правопонимания, правовой куль-

¹⁰ См.: *Росинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9(118). С. 71–72.

туры и других необходимых качеств личности современного юриста. А в случае непонимания смысла уголовно-процессуального делопроизводства либо отсутствия элементарных навыков оформления юридически значимых документов нужно не «разжевывать» эти вопросы в тексте федерального закона, а задуматься о профессиональной пригодности соответствующего субъекта, о целесообразности его нахождения на государственной службе и наделения юрисдикционными или надзорными полномочиями по уголовному делу. Другими словами, вместо превращения УПК РФ в «памятку» для безграмотных правоприменителей разумнее направить максимальные усилия на проведение более взвешенной кадровой политики в отношении судейского корпуса, прокуроров, должностных лиц органов предварительного расследования — постараться обеспечить замещение соответствующих государственных должностей подлинно профессиональными юристами. Тогда как уголовно-процессуальному делопроизводству разумнее посвящать учебную и методическую литературу, а при необходимости некоторые технические или технологические правила могут разъясняться в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и подзаконных нормативных правовых актах ведомственного характера, издаваемых в целях оптимизации правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белкин А.Р. Дефекты нового законодательного регулирования апелляционного производства // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 4 (30). С. 112–117.

Белкин А.Р. Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2019. № 2. С. 43–50.

Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 3 т. Т. 1. М.: Юрлитинформ, 2023.

Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования // *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 2. С. 47–56.

Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ // *Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): Сборник статей / Под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко*. Красноярск: ООО «Центр социальных и правовых технологий», 2018. С. 42–57.

Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 3–7.

Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 42–51.

Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 31–37.

Николюк В.В. Опыт законодательной регламентации в УПК Российской Федерации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 15–22.

Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 101–111.

Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9 (118). С. 67–79.

Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–47.

Рыжак А.П. На стадии предварительного расследования осуществляется не только расследование // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы международной научно-практической конференции. Симферополь: Издательство «Ариал», 2018. С. 104–107.

REFERENCES

Belkin, A.R. (2014). Defekty novogo zakonodatel'nogo regulirovaniya apellyatsionnogo proizvodstva [Defects in the New Legislative Regulation of Appeal Proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 4 (30), pp. 112–117. (in Russ).

Belkin, A.R. (2019). Zapret opredelennykh deistvii — khorosho li on opredelen? [Prohibition of Certain Actions — Is It Well Defined?]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess* [Judiciary and Criminal Process], 2, pp. 43–507 (in Russ).

Belkin, A.R. (2023). *UPK RF: otmenit' nel'zya popravit'?* V 3 tomakh [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: cannot be canceled correct? In 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Yurлитinform. (in Russ).

Gavrilov, B. Ya. (2022). Sovremennoe dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnym delam trebuyet reformirovaniya [Modern Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases Require Reformation]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2, pp. 47–56. (in Russ).

Gavrilov, B. Ya. (2018). Sovremennoe dosudebnoe proizvodstvo: zakonodatel'nye mify i realii 15-letnei praktiki primeneniya UPK RF [Modern Pre-Trial Proceedings: Legislative Myths and Realities of 15 years of Practice of Applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. In: N.P. Kirillovoy and N.G. Stoyko, eds. *Nauchnaya shkola ugovolnogo protsessa i kriminalistiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: ugovolnaya yustitsiya XXI veka (k 15-letiyu praktiki primeneniya*

UPK RF): Sbornik statei [Scientific School of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University: Criminal Justice of the XXI Century (to the 15th Anniversary of the Practice of Applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): Collection of Articles]. Krasnoyarsk: OOO «Centr social'nyh i pravovyh tekhnologii», pp. 42–57. (in Russ).

Golovko, L.V. (2021). UPK Rossiiskoi Federatsii 2001 goda kak kodifikatsiya: «effekt kristallizatsii» ili «effekt razmyvaniya»? [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 2001 as Codification: “Crystallization Effect” or “Blurring Effect”?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 6, pp. 3–7. (in Russ).

Grigoriev, V.N. (2018). Uголовно-protssessual'naya forma ili administrativnyi reglament: so-vremennye trendy [Criminal Procedural form or Administrative Regulations: Current Trends]. *Vestnik SPbGU. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg State University. Right], 9-1, pp. 42–51. (in Russ).

Davletov, A.A. and Azarenok, N.V. (2021). Balans publichnogo i chastnogo interesov kak osnovopolagayushchii faktor formirovaniya sovremennogo rossiiskogo uголовного protssessa [The Balance of Public and Private Interests as a Fundamental Factor in the Formation of the Modern Russian Criminal Process]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 6, pp. 31–37 (in Russ).

Nikolyuk, V.V. (2021). Opyt zakonodatel'noi reglamentatsii v UPK Rossiiskoi Federatsii proizvodstva po uголовnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh [Experience of Legislative Regulation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of Proceedings in criminal Cases Against Minors]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 6, pp. 15–22 (in Russ).

Pobedkin, A.V. (2017). Uголовно-protssessual'nyi kodeks: forma zhivogo prava ili «bezdushnaya» instruktziya [Code of Criminal Procedure: A Form of Living Law or “Soulless” Instruction]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Forensic Library. Science Magazine], 3, pp. 101–111 (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2022). Uголовно-protssessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya [Criminal Procedural Form: Essence, Problems, Trends and Development Prospects]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 15–9 (118), pp. 67–79 (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2021). UPK Rossiiskoi Federatsii: voploshchenie «vysokogo» prednaznacheniya uголовно-protssessual'noi formy ili «pamyatka» dlya bezgramotnykh pravoprimenitelei? [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: The Embodiment of the “High” Purpose of the Criminal Procedure form or a “Reminder” for Illiterate Law Enforcement Officers?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 6, pp. 42–47 (in Russ).

Ryzhakov, A.P. (2018). Na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya osushchestvlyayetsya ne tol'ko rassledovanie [At the Stage of Preliminary Investigation, not only Investigation is Carried out]. In: *Uголовное производство: protssessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal Proceedings: Procedural Theory and Forensic Practice: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Simferopol: Arial Publishing House, pp. 104–107. (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

AUTHOR'S INFO:

Sergey B. Rossinskiy — chief researcher of the criminal law, criminal procedure and criminology sector of the Institute of state and law of the Russian academy of sciences, doctor of law, associate professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B. (2023). The criminal procedure form vs rules of criminal judicial procedure. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 18(1), pp. 116–135. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy